

Получив от младенца чувствительный укус, Цинь Цзычу даже не подумал рассердиться. Напротив, его лицо так и просияло.

Он не удержался, прильнул к пухлой щечке младенца и принялся восторженно осыпать её поцелуями.

— Сразу видно — великий Ин Чжэн! — с гордостью воскликнул он. — Даже кусается крепче, чем обычные дети!

«Вот он, мой истинный кумир!»

— А-Чжэн, ты разве не проголодался?

Похвалив сына, Цзычу убрал с лица самодовольную улыбку. В его глазах отразилась неподдельная тревога. Он заглянул в темные глазки малыша.

«Подождите... А-Чжэн уже открыл глаза?!»

Всмотревшись пристальнее, Цзычу снова обомлел перед младенческой версией великого императора Шихуанди.

— У тебя... двойные зрачки! — вырвалось у него в изумлении.

«М-маленький хаски!»

«Боже правый, ну почему мой сын такой очаровательный?!»

Цзычу снова не удержался и принялся целовать личико сына. Его лицо светилось неподдельной нежностью. Глядя на него, никто бы и не подумал, что отец с сыном оказались посреди дикой глуши, голодные до полусмерти, без единой капли чистой воды.

Он не мог наглядеться на кроху. Снова и снова прижимаясь губами к его нежной, шелковистой коже, он мягко ласкал своего первенца.

Цзычу глуповато улыбнулся малышу и нежно прошептал:

— Раз уж тебе не по вкусу сухие сладости, нам нужно поспешить. Люй Бувэй со своими людьми уходил слишком шумно — солдаты Чжао наверняка погнались за ними. Если Чжан Ли заметит наши знаки, то поймет, куда мы направились. Я хорошо помню дорогу, по которой мы сюда шли. Повернем назад. Даже если мы разминемся с Чжан Ли, то без труда доберемся до той деревни, откуда начали путь. Там мы точно найдем кормилицу, и ты наконец-то наешься

досыта.

Закончив говорить, Цзычу сорвал с ног изорванные обмотки и бережно перепеленал ребенка. Добившись того, чтобы личико младенца расслабилось, а сам он уютно устроился на груди и крепко уснул, Цзычу запомнил это положение и, стараясь не тревожить сына, торопливо зашагал в обратную сторону.

Каждый шаг отзывался резкой болью. Цзычу доводилось много ходить, но его обувь на мягкой матерчатой подошве была совершенно не приспособлена для каменистых лесных тропинок, усыпанных острым щебнем и переплетенными корнями. Очень скоро ступни заняли так, словно кости дробились при каждом шаге. Но он лишь крепче сжимал зубы, глубоко дышал и упрямо двигался вперед, не издав ни единого стога.

Первые недели после Нового года выдались морозными, ледяной ветер нещадно хлестал по лицу, однако на лбу Цзычу от нестерпимой боли проступали крупные капли холодного пота.

Младенец, до этого мирно лежавший в его руках, внезапно приоткрыл свои темные двойные зрачки. Его взгляд был поразительно осознанным, глубоким и пугающе холодным. Если бы кто-то заглянул в эти глаза сейчас, у него непременно пробежали бы мурашки по спине. В них читалась лишь абсолютная, беспристрастная жестокость.

Малыш был слаб физически, но он медленно моргал, не отрывая взгляда от груди Цзычу, а уголки его крошечного рта изогнулись в странном, едва уловимом подобии усмешки. Ин Чжэн устроился на его груди со всем возможным удобством. Своими едва заметными движениями он заставлял Цзычу интуитивно переключать его так, чтобы ему лежалось еще комфортнее.

Цзычу на мгновение замер. Его ладонь привычным движением бережно погладила спинку ребенка.

— Прости меня, А-Чжэн, ты, должно быть, жутко проголодался, — виновато зашептал он. — Я постараюсь идти быстрее. До наступления темноты мы обязательно вернемся в ту деревню. Потерпи еще немного, хорошо? Обещаю, скоро ты получишь теплое материнское молоко, и никакого суррогата вроде смеси «Саньлу»!

Крошечные губы младенца шевельнулись, но он не стал задавать вопросов о том, что это за «Саньлу» и почему оно хуже грудного молока — говорить он пока попросту не умел. Ин Чжэн лишь продолжил послушно лежать на руках у отца, издав в ответ едва слышное тихое кряхтение.

Любой нормальный человек почуял бы неладное, заметив такое странное поведение у новорожденного. Но только не Цинь Цзычу! В его руках лежал сам великий Цинь Шихуанди!

«Каждому действию моего кумира есть веская причина!»

«Мой ненаглядный император всегда прав!»

«Он гений от рождения! Настоящий Сын Неба, разве нет?!»

«Даже когда он просто зевает, это выглядит невероятно величественно!»

«Боже, какой же он милый... Мое сердце вот-вот выпрыгнет из груди, а колени подгибаются от восторга!»

Цзычу напрочь позабыл о законах природы и логики. Словно безумный фанат, он благоговейно восхищался каждым движением младенца, а в его голове крутилась лишь одна практическая мысль: «Мой мальчик голоден, нужно как можно скорее отыскать ему кормилицу».

Он легонько прикусил крохотную ручку малыша с ямочками на пухлых пальчиках и с довольной улыбкой спрятал её обратно под одеяльце.

«Какое счастье... Я поцеловал руку самого императора!»

«Подождите... Нет!!! Когда я кормил его сладостями, я ведь... забрал его первый поцелуй?!»

Осознание того, что будущий повелитель Поднебесной сейчас целиком и полностью зависит от него, наполнило Цзычу невероятной силой. Он ускорил шаг, упрямо шагая назад по пыльной дороге. Младенец на его груди вел себя на редкость смирно: не плакал, не капризничал, а лишь тихо прижимался к теплому телу отца.

До этого момента Ин Чжэн пребывал в пучине жгучей, невыносимой боли. Он отчетливо понимал, что умирает — или, скорее, уже испустил дух. Однако десятилетия на троне закалили его гордость и волю: даже терзаемый предсмертными муками, он не позволил бы себе кричать и кататься по земле, подобно безродному червю.

Сжав кулаки, Ин Чжэн с каменным лицом ожидал прихода смерти. Но внезапно вся боль, терзавшая его плоть, бесследно испарилась. Не успел он перевести дух, как в ноздри ударил густой, удушливый запах.

За годы войн с Шестью царствами он слишком хорошо изучил этот запах — запах угасающей жизни и пролитой крови. Позже, когда он вззошел на трон и столкнулся с бесконечной чередой покушений, этот смрад стал вызывать у него лишь глубокое отвращение. То был запах глупцов, не способных смириться с поражением. Победитель забирает всё, проигравший лишается жизни — если подданные поверженных царств не понимали этой простейшей истины, стоило ли удивляться, что армия Цинь стерла их государства с лица земли?

Ин Чжэн раздраженно нахмурился, как вдруг чья-то грубая, заскорузлая ладонь с силой опустилась на его ягодицы. В груди императора вспыхнул яростный гнев — с самого дня

коронации никто не смел выказывать ему подобного непочтения! Прежде чем он успел приказать разорвать дерзкого колесницами, его собственное тело предало его. От резкой боли он издал пронзительный, беспомощный младенческий вопль. Впрочем, крик оборвался почти сразу.

Не веря собственным ушам, Ин Чжэн мгновенно подавил позорный порыв зайти плачем. Нахмурившись, он загнал все странные, пугающие ощущения глубоко внутрь. И хотя его взор оставался затуманенным, лицо ребенка вновь обрело ледяное спокойствие.

Сквозь полуприкрытые веки пробилась яркая вспышка. Ин Чжэн сперва принял её за отблеск обнаженного клинка, однако многолетний опыт выживания подсказывал: поблизости нет ни капли жажды крови. Что бы ни происходило вокруг, сейчас ему ничего не угрожало. Оставшись без крупы сил, он не поддавался панике и спокойно лежал на месте.

Но даже будучи уверенным в своей безопасности, он никак не ожидал, что сильные, теплые руки бережно поднимут его и прижмут к груди, а чьи-то губы нежно коснутся его щеки. Кто посмел так бесцеремонно тискать его?!

Ин Чжэн помнил себя величественным мужем крепкого телосложения, перед которым рослые воины казались карликами, даже когда он сидел на троне. Каким же образом незнакомец умудрился запеленать его и держать на руках, словно дитя? Даже во время тяжелейшей болезни он не мог ослабнуть до такой степени. Это тело было беспомощным. Тело новорожденного младенца!

Чистый, мягкий голос зазвучал над самым ухом, но для Ин Чжэна эти слова прогремели подобно удару грома:

— Дитя, рожденное в первом месяце года, получит детское имя А-Чжэн. Ин Чжэн, в твоих жилах течет кровь царственного клана Ин. Тебе суждено обрести великую власть и править Поднебесной.

Даже когда мягкие губы коснулись его лба, Ин Чжэн не смог прийти в себя.

«Что... что здесь происходит?!»

«Почему кто-то дает мне имя?!»

Перед глазами все плыло. Он ощутил лишь мимолетную ласку — теплое прикосновение к переносице, заставившее его на мгновение растеряться. Неужели человек, произнесший эти слова, действительно его отец?

В туманных воспоминаниях о раннем детстве слово «отец» всегда казалось ему чуждым и полным горькой иронии. И все же стоило признать: именно благодаря этому родителю,

обрекшему его на полное лишений детство, Ин Чжэн вырос закаленным и беспощадным.

В свое время он не раз задумывался: чья же кровь течет в его жилах — Ин Ижэня или, как утверждали злые языки, Люй Бувэя? Однако со временем эти сомнения потеряли всякий смысл. Какая разница, чьим сыном он родился, если небо одарило его великим умом и железной волей? Он правил миром, владел неисчислимыми богатствами, а все живущие под солнцем были лишь его рабами. Вся земля до самого горизонта принадлежала ему.

Восстань Люй Бувэй или Ин Ижэнь из могилы, они сами сочли бы за величайшую честь назваться его отцами. Ему не о чем было сокрушаться. И все же в глубине души Ин Чжэн питал глубокое презрение к Ин Ижэню. Тот бросил жену и сына на растерзание врагам ради собственного спасения и бежал в Цинь. Столь малодушный, трусливый поступок вызывал у императора лишь брезгливость. Разве настоящий мужчина способен на такое?

По вине этого ничтожества его детские годы превратились в сущий кошмар. Чтобы уцелеть в Чжао, им с матерью пришлось скрывать свои имена, прислуживать чужим людям и терпеть бесконечные издевательства. Как мог этот трусливый, безвольный и никчемный человек так нежно баюкать новорожденного младенца и дарить ему родительское тепло?

Вместо благодарности Ин Чжэн ощутил лишь глухую ярость — забота со стороны этого слабого мужчины казалась ему изощренным оскорблением. Но не успел он оправиться от этого чувства, как произошло нечто еще более отвратительное. Раздался знакомый голос человека, которого он долгие годы вынужден был терпеть рядом с собой. Люй Бувэй хладнокровно предложил бросить новорожденного наследника, чтобы отвлечь погоню!

Ин Чжэн едва сдержал презрительный смех.

«Люй Бувэй... В прошлой жизни я терпел твое присутствие, смотрел сквозь пальцы на твои пашни с матерью, звал тебя "вторым отцом" с тринадцати лет и послушно ждал совершеннолетия. Если судьба заставит меня пройти этот путь заново, я вновь усмирю зверя в своей груди, выжду время и сотру тебя в порошок!»

Кипя от гнева, он внутренне приготовился к тому, что его сейчас выбросят, как ненужный балласт. Однако трусливый отец, от которого никто не ждал благородства, внезапно проявил твердость и наотрез отказался расставаться с сыном. Он добровольно разделил с ним участь обреченных.

Глаза Ин Чжэна оставались темными и неподвижными, словно зеркальная гладь глубокого озера, под которой бушевали невидимые течения. Чжао Цзи вела себя в точности так, как он помнил. Стоило появиться малейшей возможности спастись, и его мать без колебаний бросила бы дитя, даже не обернувшись. В этом не было ничего удивительного — обычная похотливая и эгоистичная женщина, мало чем отличавшаяся от прочих девок. Он давно не питал к ней иллюзий. Что бы она ни совершила в этой жизни, его отношение к ней не изменится, а потому её ледяное равнодушие ничуть его не удивило.

Но почему Ин Ижэнь готов был расстаться с жизнью, лишь бы сберечь его? Поступки отца совершенно не вязались с тем образом малодушного беглеца, который запечатлелся в памяти императора.

Тихий, полный раскаяния вздох отца звучал над его ухом, заставляя сознание путаться, точно в зыбком сне. Пронизывающий ветер хлестал по их телам. Ин Чжэн чувствовал, как коченеет от холода и голода, но он ни за что не стал бы просить о помощи. Гордость не позволяла ему выказывать слабость перед этим ничтожным человеком, да и опускаться до позорного младенческого плача ради глотка еды великий правитель не собирался. К тому же в его нынешнем состоянии он не мог принимать твердую пищу — ему требовалось только молоко.

Но этот олух оказался непроходимо глуп! Неужели он не знал, что новорожденные физически не способны переваривать твердую пищу? Он умудрился разжевать сухое пирожное и попытался протолкнуть это месиво прямо в рот императору! Более того... он посмел просунуть туда свой мерзкий, скользкий язык! Потеряв терпение, Ин Чжэн со всей силы сомкнул десны на его языке.

Ин Ижэнь ожидаемо вскрикнул от боли, вызвав у младенца внутреннюю усмешку. Ин Чжэн приготовился к тому, что разгневанный отец швырнет его на землю, но вместо этого услышал лишь восторженный, радостный лепет о том, какой его сын необыкновенный и сильный!

«И это... мой отец?»

«Какое счастье, что я вырос без его участия».

Постепенно буря в его мыслях улеглась, и он смирился с тем, что начал свой путь заново. Во второй половине своей прошлой жизни он безуспешно искал встречи с бессмертными небожителями, мечтая обрести вечную молодость, но стал жертвой обмана шарлатанов и бесславно скончался во время инспекционной поездки. И все же небо не оставило его. Он — истинный Сын Неба, дракон во плоти, получивший от богов второй шанс.

Ин Чжэн с каким-то странным, почти болезненным любопытством прислушивался к ощущениям в своем хрупком, обделенном силой теле.

— А-Чжэн, гляди! Впереди вьется дымок! Скоро мы тебя покормим!

Задыхаясь от быстрого шага, радостно пролепетал Цзычу. Его голос так и звенел от восторга, словно они не спасались бегством от вражеской погони, а прогуливались по цветущему саду.

Слушать этот нелепый, не подобающий взрослому мужу лепет было невыносимо стыдно, но в голосе отца звенела такая чистая, бьющая через край радость, словно они не спасались бегством от конницы Чжао, а шли на праздник.

Ин Чжэн прикрыл глаза. Его крошечные губки тронула едва заметная улыбка. Уткнувшись личиком в грудь Цзычу, он вслушивался в ровный, сильный стук его сердца и сам не заметил, как под убаюкивающий ритм его шагов погрузился в глубокий, спокойный сон.

«Когда я открою глаза в следующий раз, то непременно окажусь в тепле, укрытый мягким одеялом, и получу свою порцию молока».

Ин Чжэн убедился, что его суждения, как и всегда, оказались безошибочными. Однако стоило ему проснуться, как в голове промелькнула растерянная мысль:

«Почему я очутился в столь неpotребном месте?!»

Они с отцом находились в просторной, но невероятно запущенной комнате. На циновке прямо напротив Ин Чжэна лежал полуголый, крепко сложенный мужчина. Широкая мускулистая спина незнакомца, дышащая грубой и бесстыдной похотью, была полностью открыта взору младенца. Тот беззастенчиво тискал прижавшуюся к нему женщину, ритмично двигаясь, в то время как сидевшая в углу крестьянка совершенно не обращала на них внимания, спокойно прижимая Ин Чжэна к груди и кормя его молоком.

Цинь Цзычу с крайне растерянным и пристыженным видом сидел рядом с этим типом, который намертво вцепился ему в запястье.

«... Ну и ну. До чего же непутевый у меня отец!»

<http://bllate.org/book/18277/1750288>